

Ю. В. Семёнов

К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЭТНИЧЕСКОГО КОМФОРТА ВОСТОЧНЫХ ФИННОВ В XIX ВЕКЕ

В статье сделана попытка сравнительного анализа состояния этнического комфорта восточно-финских народов России в XIX столетии, что во многом определяет ход развития современных этнополитических процессов, уровень религиозности, развития их самосознания и этнического комфорта.

Ключевые слова: восточно-финские народы, этнический комфорт, этнос.

Yu. Semyonov

ESTIMATION OF THE LEVEL OF EASTERN FINNS' ETHNIC COMFORT IN THE 19th CENTURY

The author of the paper makes an attempt of the comparative analysis of the eastern Finnish people's ethnic comfort in Russia in the 19th century, which in many respects defines the process of today's ethno-political processes, the level of religiosity, development of their consciousness and ethnic comfort.

Key words: eastern Finnish people, ethnic comfort, ethnos.

Существование любой этнической общности занимает длительный исторический промежуток, и обычно ее жизнедеятельность протекает на определенной территории, в определенных природно-климатических условиях. Совокупность и изменчивость этих факторов вызывает необходимость постоянной адаптации, и люди могут, как-то воздействуя, изменять среду своего обитания. Сам процесс адаптации людей к среде обитания неизбежно отражается в особенностях их материальной и духовной культуры, включая религиозные представления, быт, психологический склад и т. д. Определенная духовная стабильность нарушается в случае природных или социальных катаклизмов, вызывает потребность в выработке адекватных вызовам этнических ориентиров.

Присоединение восточно-финских народов — коми, марийцев, мордвы и удмуртов в XV—XVI вв. к Русскому государству в длительной исторической перспективе в целом позитивно сказалось не только на социально-экономическом, но и этническом развитии народов. Оно положило конец длительному разобщению народов в пределах постоянно враждовавших между собой государств — Московского великого княже-

ства и Казанского ханства, стимулировало их этническую консолидацию, ввело в русло более мирной и безопасной жизни. Если для коми и северных удмуртов присоединение прошло относительно мирно, то южные удмурты, марийцы и мордва после взятия Казани в 1552 г. еще много лет вели военные действия и несли тяжелые потери. В течение столетий жила память о том, каким образом каждый народ был присоединен к Русскому государству. История присоединения восточно-финских народов к России до сих пор вызывает острые дискуссии.

Каждое столетие пребывания восточных финнов — коми, мари, мордвы и удмуртов — в составе России было отмечено историческим своеобразием и по-своему влияло на судьбы народов. Совместное проживание этносов с различным мировоззрением и культурой в границах русского, монархического, православного государства было далеко не бесконфликтным. В первую очередь, это было связано с низким уровнем их *этнического комфорта*. Признаками этнического комфорта могут служить: правовое и фактическое равенство совместно проживающих этносов, отсутствие дискриминации по этническому или конфессиональному признаку, придание языку мало-

го народа статуса языка государственного; развитие литературы на языке малого народа, издание книг, газет и журналов, преподавание на нем в школе, в том числе и высшей, писаная этническая история, реальная возможность участия в принятии государственных решений и отправления государственной службы, отсутствие господствующей религии и возможность отправления обрядов на родном языке, деятельность этнических объединений.

Важнейшим показателем этнического комфорта является в первую очередь отношение доминирующего этноса к малому, что находит свое отражение в языке. В отношении нерусских широко использовались такие определения, как *туземцы* и *инородцы*. На протяжении XVI–XVIII вв. в официальных документах термин «туземцы» употреблялся преимущественно по отношению к сибирским инородцам; народы Поволжья и Приуралья именовались либо этнонимом — вотяки, зыряне, черемисы и т. д., либо по сословиям и вере — магометане, язычники, иноверцы и т. п. Можно полемизировать о правовом значении термина «инородец», но в обыденном сознании, на практике он охватывал очень широкий круг населения империи. Основным признаком инородчества являлся язык. Практически все невеликороссы и неправославные попадали под понятие «инородец». Но великорусские сектанты различных направлений и уклонов, говорящие по-русски, но отошедшие от государственного православия, инородцами не были. Такая стратификация легитимизировала сложную иерархию этносоциальных и этноконфессиональных отношений.

Начавшаяся еще в XII в. крестьянская колонизация территории проживания коми положила начало процессу ассимиляции и обрусения восточно-финских народов, который активизировался по мере создания на территории восточных финнов русских поселений. Причины появления их различны, но, как правило, обусловлены так называемой вольной колонизацией или

путем организованного переселения русских крестьян помещиками и монастырями, в частности, на территорию мордвы. Ассимиляция особенно негативно отражалась на состоянии этнического комфорта еще и потому, что этносоциальная структура привилегированной нации значительно превосходила по степени зрелости аналогичные структуры восточных финнов. Вероятно, именно этот фактор может служить основой для типологической характеристики динамики развития этнического процесса и повышения уровня его комфортности, что особенно существенно для полиэтничных государств, в которых успешное формирование этносоциальной структуры одного или двух народов так или иначе воздействовало на аналогичный процесс всех остальных народов, продвигавшихся по тому же пути несколько позднее.

Именно темп складывания этносоциальной структуры является исторически необходимым условием повышения этнического комфорта как базовой составляющей этнической психологии. К началу XIX столетия можно говорить о наличии двух основных групп этносоциальных и этноконфессиональных общностей: если трудовое, в подавляющем большинстве крестьянское, население территорий, на которых проживали восточные финны, состояло в основном из лиц коренной для данной области народностей, то этническая ситуация в среде господствующего класса оказывалась иной. В большинстве это были русские, крещеные татары и вчерашние обрусевшие язычники.

Если в допетровское время отдельные представители восточных финнов, в первую очередь мордвы и мари, при сохранении своей этнической идентичности еще могли рассчитывать на какой-либо успех в государственной структуре Российской империи, то уже с первой четверти XVIII столетия корпус высших государственных служащих пополнялся за счет русских и населения новых западных губерний. В Урало-Поволжском регионе определенный шанс на успех имели татарские мурзы при

условии принятия ими православия. Такая политика оказывала сильное воздействие прежде всего на верхние слои восточно-финского общества. Уже со второй половины XVI в. крестившиеся князья и сотники, как правило, семьями, переходили на русский язык и быстро ассимилировались. Они обычно приравнивались в правах к русским служилым людям, назначались в походы, несли сторожевую службу, не платили податей, получали жалованье и через два поколения полностью обрусевали. Естественно, что постоянное «вымывание» этнической элиты — носителей самосознания народов, вытеснение восточных финнов из этнополитической жизни не могло не сказаться отрицательно на воспроизводстве и развитии социальной структуры этносов, и в конечном счете на уровне их этнического комфорта. Сколько-нибудь значимой, этнически ориентированной прослойки буржуазии в среде восточно-финских народов даже к концу XIX столетия не появилось, переход из крестьянского сословия неизбежно влек за собой ассимиляцию, что наблюдалось у всех нерусских народов вплоть до развала Российской империи. Формирование национальной интеллигенции и буржуазии в России всегда наталкивалось на крупные препятствия объективного и субъективного характера.

Отсутствие у всех восточных финнов национально-экономических, политических, культурных и религиозных городских центров также было следствием весьма неблагоприятных условий этносоциального процесса. Оставшись без собственного государственного образования, подвергаясь мощному давлению, ни один из восточно-финских народов оказался не в состоянии сохранить даже тот уровень политической самостоятельности, который имели до присоединения к России.

Гипотетически примером образования этнополитической структуры и в конечном счете собственного государства для восточных финнов могло бы служить Казанское ханство до разгрома, но, очевидно, именно

его разгром и показал восточно-финским народам их возможное будущее в случае реализации попыток собственного государственного строительства вне рамок «дозволенного сверху». Изменившаяся историческая ситуация уже в XVI в. «сняла» вопросы их самостоятельного государственного и конфессионального строительства. Отсутствие развитого жреческого сословия и собственной письменности перевело воспоминания о зачатках государственности в разряд легенд и мифов [6. с. 97–135]. Попытки «снизу» актуализировать этнические проблемы, привлечь к ним внимание властей, как правило, переводились в плоскость конфессиональную и в конечном счете оказывались безуспешными.

Для восточных финнов Российской империи реальным уровнем участия в общественных делах оставалась сельская община. Именно в общине снимался психологический дискомфорт: здесь звучал родной язык; были понятны обычаи и традиции. В то же время замкнутые, изолированные поселения, как правило, небольшие по численности их обитателей, могли в течение десятилетий, а то и веков оставаться незатронутыми новыми веяниями. Участие народов в делах государственных было виртуальным, а реальными акторами управления и судопроизводства оказались русские чиновники уездного и губернского уровня. Особенный дискомфорт возникал, на наш взгляд, при контактах вне общины. Заводские поселки, уездные, а тем более, губернские города Урала и Поволжья говорили по-русски. По-русски говорило все «начальство», начиная с урядника, по-русски велась вся документация, несмотря на появление в XVIII в. письменности на родных языках. Вплоть до 80-х годов XIX в. на языках восточных финнов издавалась лишь богослужебная литература, гражданские, светские тексты практически отсутствовали. Сложившаяся ситуация вряд ли была необычной, стрессовой, но она приводила к мысли о неполноценности родного этноса, его ущербности, вызывала дискомфорт

в отношениях между народами. Светская литература на языках восточных финнов начинает появляться лишь в третьей четверти XIX столетия.

О состоянии этнического комфорта восточных финнов можно судить и по системе терминов, описывающих этноконфессиональную структуру Российской империи XIX в. Ее изучение позволяет сделать вывод, что в массовом сознании восточно-финские народы, в ней проживающие, рассматривались как неполноценные, а их религии воспринимались как темные, «поганые» языческие культы. Следствием легитимации неполноценного статуса «иностранцев» становилось проведение государственной этноконфессиональной политики, отличной от отношения к жителям метрополии, от народов по определению полноправных.

Либеральное, более взвешенное отношение к иноверцам и их обычаям формировалось с большим трудом. Наиболее показательны в этом отношении ход решения проблемы с варением кумышки — ритуального алкогольного напитка удмуртов. Кумышководарение стало предметом полемики между государственной властью и винными откупщиками. В целом в первой половине XIX в. издано три царских указа о кумышководарении: указ от 8 февраля 1802 г., позволявший варить кумышку, что было запрещено указом 1751 г. Казна стремилась обеспечить свои фискальные интересы. Указ Александра I от 8 февраля 1802 г. разрешал удмуртам варить кумышку, но требовал внесения винных денег в казну. Удмурты отказывались платить требуемые 25 копеек с души, соглашаясь на 10, максимум на 15 копеек. Вятский губернатор Рунич доказывал царю, что варение кумышки с обрядом и верой вотяков не сопряжено. «Увещеваниями» исправников губернские власти добились своего. Указ от 10 сентября 1818 г. вновь запретил кумышководарение, но от 16 мая 1830 г. — снова разрешил. Одним из результатов этой непоследовательной и непонятной политики стал так называемый «Сарайкинский кумышный бунт»,

в ходе которого летом 1820 г. крещеные, судя по русским именам и фамилиям удмурты, дер. Сарайкино Квакинской волости Глазовского уезда жестоко избили помощника надзирателя правления питейного сбора Репина и десяток присутствовавших с ним понятых [3, с. 64]. Естественно, что подобного рода эксцессы мало способствовали взаимопониманию народов.

Формально российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. При отсутствии нормативных актов национальная политика Российской империи формулировалась применительно к конкретным народам и конфессиям на определенном историческом этапе. Но возможно проследить и общие закономерности этой политики. На протяжении столетий при определении положения человека в обществе решающую роль играло вероисповедание. Основой российского законодательства по вопросам веры являлось признание первенства и господства православия. Однако конфессиональные различия в основном совпадали с национальными и поэтому де-факто носили национальный характер. При этом «иностранец» (в юридическом и в бытовом значении этого слова) мог, теоретически и, не переходя в православие, пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявлял очевидную готовность служить русской государственной идее — великодержавности и самодержавности. Законами были ограничены в правах лишь евреи.

Важнейшим актом первой половины XIX в., который длительное время регламентировал этническую иерархию, стал Устав «Об управлении иностранцев» от 22 июля 1822 г. [4, с. 112–153]. Его изданием было завершено правовое оформление статуса невеликорусского, неправославного населения. Этим нормативным документом усиливалась формализация и регламентация жизни нерусских народов Российской империи.

Однако это не было исключением для этноконфессиональных отношений только в рассматриваемых период, и не было

свойственно только русским, и только православным. В равной мере оно относится к любому этносу, в котором сформировались основы имперского сознания, к любой доминирующей в государстве религии как территориально — от Японии до Америки, так и хронологически — от Древнего Египта до Британской империи.

В течение столетий пребывания восточных финнов в составе Русского государства и Российской империи этноконфессиональная ситуация в Урало-Поволжье не раз изменялась. Ее изменения, естественно, отражались и в этнической психологии каждого народа, оказывали влияние на состояние этнического комфорта. Деятнадцатый век был временем постепенного отказа от традиционного язычества и временем поиска «своей» религии, которая позволяла бы интегрировать православие и язычество. И если к началу XIX в. уже три столетия находились в лоне православия, то процессы христианизации мордвы, удмуртов и особенно мари проходили болезненно и были далеки от завершения даже к концу века.

Постоянное подчеркивание малости, «вторичности» восточных финнов приводило к тому, что в России среди чиновников, публицистов, представителей церкви преобладало устойчивое представление об отсутствии перспектив этнического развития восточных финнов. Об удмуртах А. И. Герцен писал в 30-е годы: «Они не много образовались со взятия Казани, но, по счастью, начинают перемешиваться с русскими и, вероятно, совсем поглотятся ими [1, с. 368]. Такое же мнение имел И. А. Смирнов о будущем мордвы. В 90-е годы он, в частности, писал: «Национальное самосознание мордвы в высшей степени слабо; они как будто даже стыдятся своего мордовского происхождения» [5, с. 4]. Широко было распространено мнение о скором практически бесследном исчезновении мордвы в результате ее полного обрусения.

Объективные ассимиляционные процессы подкреплялись политикой русификации, ставившей своей целью, по офици-

альным заявлениям, интеграцию восточных финнов в российское сообщество и превращение их в российских подданных, а затем и русских. Однако все средства, которыми правительство пользовалось при проведении политики русификации, практически сводились к школе. Министр народного просвещения граф Д. А. Толстой указывал: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение» [2, с. 59].

Вопрос о какой-либо автономии для народов России, проживавших в Урало-Поволжском регионе, на Кавказе или Сибири даже не ставился. Мнением восточно-финских, тюркских, сибирских народов по поводу их этнического самочувствия и видения будущего никто и никогда не интересовался.

В то же время в среде восточных финнов сохранялся мощный этнокультурный и этноконфессиональный потенциал. Характеризуя материальную и духовную культуру восточных финнов, наблюдатели подчеркивали самобытность и приверженность ее носителей своим традициям, которые играли роль гироскопов, позволявших сохранять вектор этнического развития. Самобытность заключалась в сохранении и развитии на протяжении столетий обрядов, одежды, верований и богатого содержанием фольклора. Одновременно отмечалось сильное влияние русской культуры на социально-экономическое развитие каждого народа. В частности, оно выражалось в росте числа смешанных браков, во владении, в том числе женщинами и детьми, русским языком, существенным расширением словарного запаса родных языков за счет русских слов, заимствовании русского православного народного календаря и во многом ином.

Основой комфортности этнопсихологической устойчивости каждого из восточно-финских народов России как единой этнической общности можно считать также наличие у них собственного самосознания и

самобытной культуры. Первое проявлялось прежде всего в широком бытовании среди своего национального этнонимов: коми утирь, коми му, мари, удмурт, мордва и осознания своей этнической принадлежности, несмотря на массовое использование русским и в целом окрестным населением для их названия других этнонимов: пермяки, черемисы, зыряне и т. д. Несмотря на исторически сложившееся разделение удмуртов на северных и южных, мордвы — на мокшу и эрзу, марийцев — на горных и луговых, коми — на ряд более мелких родоплеменных образований, идея объединения жила и постоянно ощущалась в каждом народе, и язычество как религия, определенная форма мировоззрения, в специфической для каждого народа форме также играло консолидирующую роль.

Одним из важнейших документов, определивших вектор развития Российской империи на длительную историческую перспективу, стал царский Манифест от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Завершился многовековой период феодализма: Россия вошла в новую эпоху. Изменения в социально-политической ситуации произошли далеко не сразу, но весьма ощутимо сказались на всем жизненном укладе народов всего Северо-Востока Европы, на их верованиях, на их самосознании и самочувствии.

Происходило медленное, хотя и небезболезненное переосмысление народами новой наступившей эпохи, с другой стороны — общемировая, в первую очередь русская, славянская, культура придавала иное качество древней культуре восточно-финских народов, перестраивала ее, давая возможность включаться в общемировую культуру. Однако заявлять о повышении уровня этнического комфорта даже к завершению века еще явно преждевременно, тем более что конец XIX столетия ознаменован печально известным Мултанским делом — фабрикацией ложного обвинения удмуртов в языческом человеческом жертвоприношении. Говорить о каких-либо заметных результатах возможно, на наш взгляд, только после революции 1905 г.

В то же время народы всегда жили надеждой на лучшее. Очевидно, стихийная идея этнической солидарности, основанная на единстве территории, языка, и религии, опиралась на достижения материальной и духовной культуры, выработанные каждым из восточно-финских народов в ходе исторического процесса. Прочно закрепившись в их этническом самосознании, именно эта идея поддерживала народный дух, а от ее прочности во многом зависел и этнический комфорт, и само существование этноса на протяжении длительного времени в условиях, далеких от идеальных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. I: Произведения 1829–1841 годов // Вотяки и черемисы. — М.: Художественная литература, 1954. — 571 с.
2. Куманев В. А. Революция и просвещение масс. — М.: Политиздат, 1973. — 381 с.
3. Очерки: история Удмуртской АССР. — Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1961. — Т. II. — 388 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. // Законодательство первой половины XIX века. Т. 4: Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Глава XII. — М.: Юридическая литература, 1988. — 270 с.
5. Смирнов И. Н. Мордва. — Казань: Универ. типогр., 1895. — 257 с.
6. Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. — Устинов, Удмуртия, 1986. — 470 с.